
ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

С.К. КАЛАШНИКОВА, М.Я. ПОГОДИНА*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ:

ГОРОД, АГЛОМЕРАЦИЯ, РЕГИОН¹

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы формирования территориальной идентичности. Проанализированы работы последних лет, исследующие экономические и политические факторы, этнический и ревизионный компоненты формирования идентичности, роль политики идентичности в электро-ральных процессах. В контексте развития территорий отдельная часть работы посвящена, во-первых, понятийным вопросам, то есть оценке существующих терминов, обозначающих различные территориальные образования (город / регион / агломерация / метрополия). Во-вторых, подняты проблемы экономической и социальной интеграции, консолидации жителей, политического доверия к новым возникающим политико-управленческим структурам. Выявлен корпус релевантных методик, используемых в данной области. Одним из наиболее распространенных методов изучения идентичности остаются массовые опросы жителей, позволяющие определить пространственные границы идентичности в агломе-

* **Калашникова Софья Константиновна**, аспирант факультета политологии, СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: sofyakalashnikova15@gmail.com; **Погодина Мария Ярославовна**, стажер-исследователь факультета политологии, СПбГУ; аналитик, ООО «Яндекс Крауд» (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: mariiapogodina@gmail.com

¹ Исследование выполнено в СПбГУ при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта N 23-28-00933 «Политика идентичности в российских агломерациях в контексте международного опыта».

© Калашникова С.К.,
Погодина М.Я., 2024

DOI: 10.31249/poln/2024.01.09

циях. Метод кейс-стади используется в контексте изучения связи организаций гражданского общества и политики идентичности. Для изучения различных уровней идентичности (общенациональная, агломерационная, региональная, локальная) и степени их выраженности используется регрессионный анализ на основе данных массовых опросов. Кроме того, приводятся примеры исследований, ориентированных на выявление муниципальной и межмуниципальной территориальной идентичности. Также с помощью анализа текстов СМИ и социальных сетей выявляются различные дискурсивные практики, используемые для актуализации определенных компонентов идентичности. Кросс-национальные сравнительные исследования остаются одним из значимых современных методов изучения территориальной идентичности жителей городов. Исследователи анализируют факторы интеграции жителей агломераций, их идеологические установки, знания о городском управлении, осведомленность о реформах. Приведены некоторые примеры влияния международных отношений и конфликтных состояний на изменение национального дискурса политики идентичности.

Ключевые слова: политика идентичности; региональная идентичность; территориальная идентичность; исследования идентичности; политика идентичности в агломерациях.

Для цитирования: Калашникова С.К., Погодина М.Я. Методологические проблемы современных исследований территориальной идентичности: город, агломерация, регион // Политическая наука. – 2024. – № 1. – С. 233–258. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.09>

Постановка исследовательского вопроса

Согласно представлениям З. Баумана, «текучая» современность формирует новые вызовы для концепции идентичности как таковой. Неустойчивость сообществ, высокая мобильность населения, быстрая трансформация жизни, доступное разнообразие как результат глобализации диктуют новые условия, в которых «идентичность открывается нам только как нечто, что нужно изобрести, а не обнаружить»¹. «Изобретение» идентичности во многом синонимично понятию «политика идентичности». В данной работе под «политикой идентичности» мы понимаем «деятельность по формированию и поддержанию национальной, гражданской и иных форм макрополитической идентичности, формированию общих ценностей, развитию групповых солидарностей» [Современная политическая наука..., 2019, с. 454].

¹ Bauman Z. Interview: Identity // Psychology Press. – 2005. – Mode of access: <https://adrian-wong.com/Bauman-Identity> (accessed: 15.07.2023.)

Продолжая традиции конструктивизма, в современной академической интерпретации идентичность может рассматриваться как «продукт воображения, конструируемый при помощи различного рода дискурсивных практик». Ведущая функция идентичности – упорядочивание содержания социальной реальности, в основе которого лежат механизмы разграничения и отождествления [Мартьянов, 2011].

Целью данной статьи является выявление наиболее актуальных современных подходов к изучению процессов формирования территориальной идентичности для таких пространственных образований, как город, агломерация и регион. Акцент делается на эмпирический опыт современных исследований и основные проблемы в рамках изучения территорий разного типа. Данная тематика крайне актуальна как для зарубежных, и для отечественных исследователей. Более 20 лет назад к ней обратился Р.Ф. Туровский, один из первых российских политологов, поставивших исследовательский вопрос о поиске адекватной методологии анализа территориальной (региональной) идентичности в рамках политологических исследований. В области изучения региональной идентичности и политики идентичности в субъектах страны следует отметить работы таких исследователей, как В.Д. Бедерсон, Е.В. Головнева, А.А. Гончарик, Д.С. Докучаев, М.П. Крылов, Е.В. Морозова, М.В. Назукина, О.В. Попова, Л.В. Сагитова, И.С. Семененко, Л.В. Смирнягин, Е.Ю. Цумарова.

Направления исследований территориальной субгосударственной политики идентичности

В фокусе внимания исследователей в последние годы находятся не только акторы политики идентичности и их цели, но и динамика процессов трансформации идентичности. Неразрешенной остается проблема деструктивного влияния политики идентичности, особенно в случае укрепления этнического компонента. В ряде зарубежных исследований последних лет преобладание религиозного и этнического компонента в матрице идентичности рассматривается в качестве потенциально конфликтогенного явления, препятствующего консолидации населения [Hansen et al., 2020; Kabir, 2020].

В своей работе М. Лилла рассматривает современный либерализм и его проблемы в контексте идентичности [Lilla, 2018]. Автор утверждает, что фокус на идентичности и групповых правах стал проблемой для многих либералов, поскольку это приводит к обострению расовых, этнических и культурных различий, а не к их преодолению. М. Лилла считает, что либерализм должен ориентироваться на универсальные принципы и права, а не на групповую принадлежность. Он предлагает пересмотреть либеральный подход и перейти к единству и равенству, которые позволят обществу достигнуть более справедливого и равного будущего. Ключевой аргумент автора заключается в том, что американские либералы с 1970-х годов по настоящее время все больше склоняются к тому, чтобы делать акцент на политике идентичности, что, в свою очередь, приводит их к негативным последствиям. В отличие от них, либералы периода 1930–1950-х годов делали упор на «гражданский либерализм», основанный на концепции общей гражданственности и связанной с ней приверженности экономической социальной справедливости.

Для автора несомненными остаются достижения более ранней формы политики идентичности, например, движения за гражданские права, цель которого заключалась в признании борющейся группы полноправными американскими гражданами. Однако, по мнению исследователя, в 1970-х и 1980-х годах акцент политики идентичности сместился с «идентификации с гражданами демократической страны США» на «идентификацию с различными социальными группами внутри страны».

По мнению ряда ученых, концепция политики идентичности, трансформируясь, становится инструментом популистской риторики [Lefaan, 2021; Anderson, 2019]. Политики, стремясь установить прямую связь с «народом», формируют определенный дискурсивный призыв к конкретной социальной / этнической / религиозной группе, который исключает значительную часть населения в целом. Раздробленный «либерализм идентичности» (the fractious «identity liberalism») оценивается как вызов современной либеральной идеологии и концепции общегражданской идентичности [Fukuyama, 2018].

В зарубежных работах большое внимание уделяется экономическим факторам, которые оказывают существенное влияние на формирование региональной идентичности. Группа авторов,

анализируя кейс Эфиопии, демонстрирует, как крупные проекты (например, ГЭС «Плотина великого возрождения Эфиопии») могут помочь выработать общее мировоззрение для регулирования противоположных политических траекторий развития страны и консолидировать полиэтническое население [Assefa, Gedifew, 2021]. Возможности выстраивания баланса между региональным и национальным компонентами идентичности детально описываются в одном из последних исследований латиноамериканских авторов, которое базируется на анализе 136 научных публикаций по данной теме [Montoya, 2021].

Основной проблемой территориальной региональной идентичности является ее двойственный характер. Конструирование идентичности, с одной стороны, призвано способствовать объединению различных групп или встраиванию региональной идентичности в национальную, но с другой стороны, может стать катализатором сепаратистских настроений. Г.Я. Миненков отмечает, что в центре политики идентичности всегда находится нарратив различия [Миненков, 2005]. Данная идея относится к философским истокам интереса к проблемам идентичности. Знаменитый российский философ М.М. Бахтин одним из первых в мире, опираясь на собственную экзистенциальную модель, утверждал, что для целостного познания всегда необходим Другой: само бытие человека есть постоянный, непрерывный диалог с Другим [Бахтин, 2017].

По мнению Г.И. Макаровой, в современной академической трактовке региональных идентичностей можно зафиксировать наличие двух базовых подходов: объективистского и субъективистского [Макарова, 2017]. Первый связан с фокусировкой на объективно сложившейся социально-территориальной структуре и соответствующей общности жителей конкретного региона, которая формируется стихийно. Субъективистский взгляд ориентируется на целеполагание этих процессов: региональная идентичность намеренно конструируется в ходе социального взаимодействия при особой роли элит. Важно отметить, что данные модели не следует противопоставлять друг другу, так как даже при ведущей роли политических акторов в формировании региональной идентичности исключить значимость социокультурных факторов не представляется возможным.

Некоторые авторы рассматривают преимущества формирования региональной идентичности в рамках инструментального

подхода: устойчивая территориальная идентичность становится базовым условием для развития региона; необходимым ресурсом, обеспечивающим «конкурентоспособность» субъекта [Назукина, 2018].

Часто основным интересантом актуализации повестки, связанной с этнической и религиозной идентичностью, становятся политические институты, которые стремятся использовать ресурс идентичности отдельных групп для политической борьбы. Так, отдельный блок зарубежных исследований посвящен роли политики идентичности в электоральных процессах в разных странах [Schlegel, 2021; Fiorina, 2021; Lefaan, 2021; Hijino, Vogt, 2021]. В этой области авторы используют методы моделирования политических процессов для выявления механизмов разрешения межгрупповых конфликтов в ходе электоральной борьбы [Grossman, Helpman, 2021; Karakas, Mitra, 2021; Besley, Persson, 2021].

Для отечественной политологии актуально рассмотрение деятельности политических институтов в контексте политики идентичности как определенного политического курса («identity policy») на общероссийском и региональных уровнях. Политическая элита наделяется субъектностью в формировании определенной модели идентичности населения в противовес классической западной концепции identity politics, где акторами процесса являются социальные группы, осуществляющие политическую борьбу за признание. Концепция identity policy позволяет расширить поле для исследования вопросов эффективности государственной политики идентичности на разных уровнях. Таким образом, выбор той или иной позиции определяет дальнейшую методологию исследования в том числе и территориальной идентичности [Попова, 2020].

В контексте территориальной идентичности и развития агломераций на первый план выходят вопросы экономической и социальной интеграции, консолидации жителей ядра агломерации и прилегающих территорий, а также политического доверия к новым возникающим политико-управленческим структурам [Montoya, 2021]. В зарубежной научной литературе существует как минимум три близких по смыслу термина, обозначающих агломерации разного структурного типа, размера и плотности: city-region, agglomeration и metropolitan. Все эти понятия связаны с городскими территориальными образованиями, но имеют различные значения и контексты использования.

City-region – это территория вокруг города, которая имеет глубокую экономическую и социальную интеграцию с ним. В город-регион входят не только города и пригороды, но и близлежащие сельские районы, которые тесно связаны с городом через транспортные, экономические и социальные связи.

Metropolitan – это огромный город, который включает в себя несколько городов и пригородов. Он является центром крупной агломерации, обладая мощной экономикой, инфраструктурой и культурой. Территория мегаполиса может быть распределена на несколько регионов, каждый из которых имеет свои характерные особенности.

Agglomeration – это более урбанизированная территория, которая включает в себя консолидированные городские области с плотным заселением, транспортными магистралями и инфраструктурой. Термин *agglomeration* часто описывают как группу городов и муниципалитетов, расположенных на относительно небольшой компактной территории, которые тесно связаны между собой экономически и социально. Это понятие обычно используется для описания урбанистических образований с высокой плотностью населения и экономической активностью.

Метод кейс-стади, который основывается на детальном анализе конкретного случая, представляющего интерес для исследования, также активно применяется в изучении политики идентичности и территориальной идентичности. Стоит отметить, что метод кейс-стади часто используется в контексте изучения связи организаций гражданского общества и политики идентичности [Bösch, 2020]. Коллектив немецких ученых эффективно применил данный метод для оценки «объединительного» потенциала территориальной идентичности [Hamann, Türkmen, 2020]. Локальная идентичность (*place-based identity*) жителей одного из районов Берлина сформировалась в ходе борьбы за доступное жилье (инициативная группа Kotti & Co). Авторы отмечают, что такой тип «сообществ борьбы» (*communities of struggle*) предлагает принципиально иной тип идентичности в противовес традиционным формам этнической, религиозной, гендерной идентичности, стирая границы сообществ для достижения общей цели. Подчеркивание групповых отличий отходит на второй план, уступая место культурному разнообразию и солидарности как основной ценности такого типа сообществ. Открытым остается вопрос устойчивости

идентичности такого типа, а также пределов мобилизации «сообществ борьбы».

Исследование дискурса является отдельным направлением в рамках изучения символической политики в целом и политики идентичности в частности. Использование различных дискурсивных практик для разделения общества с помощью актуализации определенных компонентов идентичности подробно описано коллективом авторов из Индии и Саудовской Аравии [Alam, 2021]. Также в качестве метода активно используется анализ текстов новостей в СМИ и в социальных сетях для изучения феномена постправды в контексте политики идентичности: фокус авторов направлен на изучение преднамеренных искажений представлений об идентичности в СМИ [Yaya Sawitri, Nyoman Wiratmaja, 2021]. Изучаются также стратегии изменения дискурса идентичности во время и после кризисных событий. Например, Катарский дипломатический кризис (2017–2021) стал значимым событием для публичного переосмысления персидской (khalījī) идентичности катарцев. На примере новой экспозиции в Национальном музее Катара, посвященной политической истории страны, Дж. С. Митчелл изучает использование опыта прошлого для интерпретации происходящих сегодня событий, а именно проведение лингвистических и символических параллелей между конфликтами второй половины XIX века (признание независимости Катара) и недавним кризисом [Mitchell, 2021]. В процессе проведения этнографических интервью с кураторами, представителями академического сообщества и посетителями выставки, автор фокусируется на изучении эмоционального отклика, который вызывает у посетителей увиденное. Несмотря на по-прежнему сильные ориентации катарцев на транснациональную интеграцию, Дж. С. Митчелл приходит к выводу, что беспрецедентный конфликт негативно повлиял на уровень общественного доверия и ослабил концепцию «братских народов» в регионе.

В рамках исследуемой темы существует еще несколько более узких исследовательских фокусов: анализируются роль многонациональных корпораций как акторов политики идентичности [Vaara, Tienari, Kovesnikov, 2021], вопросы колониального наследия и его влияния на строительство и перестройки идентичности [Purdeková, Mwambari, 2022], политический консьюмеризм как форма политики идентичности [Wong, Kwong, Chan, 2021], поли-

тика идентичности и ее особенности при разных политических режимах [Wajner, Roniger, 2019].

Агломерация: между региональной и локальной идентичностью

Говоря о степени устойчивости территориальных форм идентичности, авторы обращают внимание не только на темпоральные характеристики, но и на пространственные границы идентичности. Это особенно актуально в рамках изучения политики идентичности в агломерациях. Именно эти территориальные системы в большей степени отражают урбанизационные и глобализационные тренды. Территориальная идентичность в агломерациях формируется на стыке региональной и локальной идентичности. В разных частях агломерации для жителей будет характерен свой баланс этих компонентов в зависимости от ряда факторов. Однако необходимость интеграции и консолидации населения в агломерациях, снижения социальной напряженности, формирования доверия к местным и региональным органам власти делают политику идентичности важной частью управленческой повестки в целом. В связи с этим интересным представляется исследование, посвященное политике идентичности и демократизации в четырех агломерациях Швейцарии [Kübler, 2016]. Автор ставит перед собой ряд исследовательских вопросов. Каковы границы территориальной идентичности жителей городов-регионов (выбор между региональной и локальной идентичностью)? Есть ли у граждан чувство принадлежности к определенному сообществу на уровне города-региона? Как жители этих территорий относятся к органам власти разного уровня? В поиске ответов на эти вопросы автор использовал микс-методику, совмещаая анализ результатов массового опроса жителей швейцарских агломераций и анализ социально-демографических статистических данных по тем же территориям. На основании полученных данных автором были построены регрессионные модели. Один из выводов автора заключается в том, что в случае сильной ориентации жителей пригородов на центр агломерации и доминирование региональной идентичности над локальной, деятельность органов местного управления оценивается респондентами как малозначительная и неудовлетворительная. Таким

образом, возникновение ориентаций на центр агломерации угрожает легитимности органов власти муниципального уровня.

Изучая вопросы интенсификации региональной идентичности и факторов, влияющих на эти процессы, коллектив британских авторов комбинирует экспертный опрос и методику кейс-стади для изучения формально определенных и «представляемых» границ городской агломерации Шеффилд (входит в Йоркшир и Хамбер, восточный регион Англии) [Gherhes, Hoole, Vorley, 2023]. Проблема актуализируется в связи с происходящими в стране и в регионе процессами деволюции: передачи полномочий из компетенции центральных властей в ведение региональным органам государственной власти (в данном случае, на уровень городской агломерации) [Hoole, Hincks, 2020]. Методологически авторы опираются на предложенную в статье *New localities* [Jones, Woods, 2013] концепцию разделения «материального» (административного) измерения региона («социальные, экономические и политические структуры и практики, которые целенаправленно сформированы вокруг места») и «воображаемой» целостностью региона («чувство идентичности с местом и принадлежности к сообществу, которое способствует осуществлению коллективных действий»). Данные эмпирического исследования показывают, что формирование агломерации не находит поддержки у местных сообществ. Более того, представители некоторых небольших городов чувствуют себя «скованными» нарративом города-региона, к которому, по их мнению, они не принадлежат. В то же время в некоторых районах административной агломерации сохраняется региональная йоркширская идентичность, отражающая устойчивость регионального сознания. Авторы также говорят о рисках асимметричности «материального» и «воображаемого» региона, среди которых замедление темпов регионального развития, рост социальной напряженности и возможная легитимизация политических претензий на территориальную автономию.

Локальная идентичность может быть оценена как более открытая и доступная по сравнению с национальной¹. А. Лидсторм, изучая локальную «гражданственность» жителей городов-регионов Швеции, разрабатывает типологию, включающую три варианта ориентации: столичная, межмуниципальная и муниципальная

¹ Identity and Belonging // In *Somalis in European Cities*. – 2015. – Mode of access: <http://www.jstor.org/stable/resrep27092.5> (accessed: 17.07.2023.)

(metropolitan, intermunicipal, municipal) [Lidström, 2015]. Интерес представляет особый тип межмуниципальной ориентации, выделенный автором. В этом случае человек может считать одновременно значимыми несколько муниципальных образований: например, в одном городе он живет, а в соседнем работает или часто проводит свободное время. «Гражданственность» в контексте изучения городов-регионов понимается автором как совокупность трех компонентов: принадлежность к сообществу, наличие определенных прав и обязанностей, возможность участвовать в общественных делах этого сообщества [Lidström, Schaap, 2018]. Во многом предложенный термин созвучен концепции политической идентичности. Автор отмечает, что не стоит забывать и о четвертом варианте локальной ориентации – ее отсутствии. По итогам проведенного массового опроса жителей двух шведских городов-регионов, А. Лидстром выделяет несколько факторов, которые влияют на формирование ориентации определенного типа: уровень гражданских инициатив и добровольческих движений, территориальная идентичность и степень интеграции в общей системе агломерации.

Говоря о небольших территориальных образованиях, актуальным представляется взгляд Р. Ф. Туровского на категорию «поселение» в политической науке [Туровский, 2019]. Автор говорит о трех подходах к рассмотрению: поселение как локальная административно-территориальная единица, обладающая классическим набором признаков формального региона; поселение как локальное политическое сообщество, где процессы формирования на территории определенных политических интересов могут быть не связаны с административными границами; поселение как локальный политический режим. В последнем случае исследовательский фокус направлен на выявление локальных политических акторов, их стратегий и интересов.

Процессы интеграции внутри агломерации длительное время рассматривались сквозь призму материальных интересов жителей территорий (1980–1990-е годы), оставляя за скобками социопсихологические факторы [Strebel, 2020]. Современные исследования во многом фокусируются на анализе таких когнитивно-эмоциональных факторов интеграции как территориальная идентичность жителей города-региона, их идеологические установки, знания о городском управлении и осведомленность о реформах, направленных на интеграцию. В этой области наиболее масштабным представляется

исследование швейцарского политолога М.А. Стребеля, который обобщил данные онлайн-опроса 5000 респондентов из восьми мегаполисов Франции, Германии, Швейцарии и Великобритании.

Общие выводы автора заключаются в том, что сильная локальная (муниципальная) идентичность и поддержка националистических партий формируют отрицательное отношение к агломерационной интеграции, а такие когнитивные факторы как знание о политике в городе-регионе и доверие к местным органам власти, наоборот, связаны с позитивным восприятием интеграционных процессов. Для повышения уровня одобрения реформ по управлению агломерацией следует учитывать социальную идентичность граждан, предоставлять достаточную информацию об управленческих изменениях и вовлекать граждан в процесс реформирования политических институтов. Кроме этого, Стребель исследует влияние уровня будничной мобильности граждан на их отношение к интеграционным процессам. Однако автор приходит к выводу, что этот фактор не является значимым, равно как и фактор материальной заинтересованности респондентов. Технократический политический дискурс и излишнее фокусирование на экономических показателях эффективности при управлении агломерацией не позволяют в полной мере учитывать вышеперечисленные факторы при принятии политических решений. Кроме того, сильная корреляция между доверием к местным органам власти и поддержкой агломерационной интеграции указывает на важную роль демократических процессов для реализации легитимных реформ управления метрополиями.

В поисках обобщенной теоретической модели для понимания территориальной и гражданской идентичности жителей городов-регионов А. Лидстром анализирует итоги 11 эмпирических исследований, посвященных этой проблеме (агломерации Грузии, Германии, Норвегии, Польши, Испании, Швеции и Швейцарии с 2001 по 2013 г.) [Lidström, Schaap, 2018]. Автор приходит к выводу, что ориентация жителей на агломерацию сильнее выражена в больших и более «раздробленных» (фрагментированных) городах-регионах. Жители пригородов, как правило, имеют более сильные межмуниципальные ориентации, а те, кто живет в центральном городе агломерации, позитивнее относятся к интеграционным реформам. Автор также считает, что факторы вовлеченности и участия жителей в управлении агломерацией способствуют процессам интеграции. Однако для проведения полноценного сравнительного

исследования необходима разработка единой стандартизированной анкеты для сбора данных.

На данный момент наличие определенных управленческих структур на уровне агломерации является скорее исключением, чем общепринятой практикой. В связи с этим интерес представляет кейс Барселонской агломерации Metropolitan Area of Barcelona (MAB) [Vallbé, Magre, Tomàs, 2015]. Одной из ключевых задач исследования являлось изучение и сопоставление агломерационной и муниципальных (локальных) идентичностей жителей MAB. В ходе опроса респондентам предлагалось оценить уровень своей принадлежности к Барселонской агломерации по 10-балльной шкале. Один из выводов авторов заключается в том, что жители больших городов и центрального города демонстрируют более высокий уровень идентификации с агломерацией, чем жители городов с населением менее 20 000 человек. Уровень осведомленности о происходящем в MAB также позитивно влияет на степень агломерационной идентичности.

Значимость критерия осведомленности также отражена в исследовании М. Волтер-Рогг, посвященном агломерационной идентичности жителей Штутгарта и его окрестностей (Greater Stuttgart Region (GSR)) [Walter-Rog, 2018]. Методологически исследование опирается на концепцию политической культуры, где политические установки могут включать когнитивный, оценочный и аффективный компоненты. Автор опирается на заключение Д. Истона о том, что знание о политическом сообществе в сочетании с положительной оценкой и поддержкой политического курса приводит к развитию устойчивой поддержки политического сообщества и, следовательно, к созданию общей политической культуры. М. Волтер-Рогг выделяет четыре возможных сценария развития агломерационной принадлежности: формирование местной идентичности, формирование региональной идентичности, сосуществование двух вышеперечисленных типов идентичности и их тесная связанность между собой, отсутствие какой-либо территориальной идентичности на уровне агломерации.

Эмпирическую базу исследования составили данные массового опроса и статистические данные по изучаемой территории. В результате ученый приходит к выводу, что агломерационная идентичность сильно уступает общенациональной, региональной и локальной идентичности: жители города-региона Штутгарт считают себя, прежде всего, гражданами Германии (88%), жителями региона

(земли) Баден-Вюртемберг (84%) и жителями своего города (82%); в то время как принадлежность к GSR демонстрируют 19% респондентов. Также автор применяет метод логистической регрессии, подтверждая, что жители центрального города демонстрируют более высокую аффективную привязанность к GSR, чем жители прилегающих районов. Тот же вывод был получен испанскими исследователями в Барселоне [Vallbé, Magre, Tomàs, 2016]. Однако М. Волтер-Рогг обращает внимание, что в аналогичных исследованиях в Польше [Lackowska, Mikula, 2015] и Швейцарии [Kübler, 2016] был получен другой результат: в этих случаях принадлежность к городу-региону ниже в центральных городах.

И. Калзада исследует связь между укреплением метрополий и процессами деволюции в регионах, подверженных сепаратизму и этническому национализму (Страна Басков, Каталония, Шотландия) [Calzada, 2018]. Автор связывает требования деволюции и усиление роли агломераций с гражданским национализмом. И. Калзада утверждает, что в выбранных регионах общегородские ценности агломерации сливаются с националистическим дискурсом сообщества, идентичности и политической автономии. Значимой характеристикой агломерации, содержащей риски «метрополизированного национализма», является наличие международных связей на межрегиональном уровне. Автор считает, что некой точкой бифуркации является дискурсивный переход от требования «право на город» к требованию нового уровня «право решать». Сравнивая все три кейса (Бильбао, Барселона, Глазго), автор видит в усилении такого типа агломераций риски роста популярности «прогрессивных» политических партий, возникновение сепаратистских общественных движений и гражданских инициатив.

В контексте исследований региональной идентичности нерешенным остается вопрос понимания самого термина «регион» и его фактических и символических границ [Horobets, 2022]. Для определения этих категорий предлагается соотнести ответы на три принципиальных вопроса: что? административные границы; как? представление о границах; зачем или для чего? территория как политический проект [Davoudi, 2019]. При таком подходе агломерация может быть определена как специфический тип регионального образования.

Британские исследователи предлагают использовать обновленный концепт «мягких пространственных представлений» (soft

space imaginaries) для динамической оценки развития регионов и возможностей стратегического планирования [Hincks, Deas, Naughto, 2017]. При аналитическом удобстве данная модель предполагает перераспределение полномочий и ресурсов на расширяющейся / уменьшающейся территории, что может создать напряженность в отношениях с другими существующими субъектами (особенно с местными органами власти). Поэтому ключевым фактором устойчивого развития территории является корректное формирование политических институтов и управленческих структур на месте. Иллюстрируя данную концепцию, авторы рассматривают пример агломерации Манчестера, где благодаря созданию новых институтов (Ассоциация властей Большого Манчестера) местные власти при поддержке представителей частного сектора смогли разработать стратегии экономического и инфраструктурного развития. Результаты серии экспертных интервью определяют ключевое значение экологического проекта «Бассейн Мерси» в формировании устойчивой системы управления агломерацией: эта кампания способствовала массовой поддержке региональных политических элит в такой степени, которая не соответствовала ее скромным ресурсам и отсутствию официальных полномочий на тот момент. В 2011 г. Объединенное управление Большого Манчестера (GMCA) стало первым городским-региональным органом власти, получившим официальный статус и полномочия в области экономического развития, предоставления государственных услуг, развития транспортной системы. Также на территории реализуется государственный проект по расширению фискальной автономии.

Проблема оптимальной модели управления агломерациями пока остается нерешенной в России. Н.В. Гришин, анализируя зарубежный опыт, говорит о существовании четырех моделей управления городскими агломерациями: объединение муниципалитетов в единое муниципальное образование; двухуровневая модель, при которой на уровне агломерации создается новый надмуниципальный орган управления; модель межмуниципальной кооперации, при которой муниципалитеты создают координационные советы; модель управления агломерацией со стороны регионального уровня власти. Российский подход определяет административная логика: чаще всего управлением агломерацией занимаются региональные органы власти [Гришин, 2023]. Однако сложности возникают, когда агломерация включает в себя населенные пункты других регионов,

например, Московская, Петербургская, Казанская, Краснодарская и др. В некоторых случаях кооперация развивается более позитивно (пример: «Концепция совместного градостроительного развития Санкт-Петербурга и территорий Ленинградской области (агломерации) на период до 2030 года и с перспективой до 2050 года»); в других – менее успешно. Так, в 2018 г. губернатор Краснодарского края Вениамин Кондратьев и глава Адыгеи Мурат Кумпилов заявили о планах создания агломерации. Но уже на старте обсуждения проекта проявились политические риски. Некоторые адыгские активисты вспомнили о прошлых инициативах по включению Адыгеи в состав Краснодарского края и увидели в агломерационном проекте угрозу независимости республики.

В то же время ведутся дебаты о необходимом уровне демократизации для осуществления практик деволюции в агломерационных образованиях. Опыт изучения агломераций Латинской Америки показывает ряд сложностей, с которыми сталкиваются метрополии в переходных демократиях: неспособность управленческих структур на уровне города-региона справляться с административными и экономическими функциями подрывает легитимность этих институтов и способствует хаотизации урбанизационных процессов [Scholvin, 2022].

Методика оценки эффективности политики идентичности в агломерациях

Основываясь на опыте оценки различных аспектов политики идентичности в агломерациях, мы предлагаем использовать интегративный (или комплексный) подход (см табл.). Алгоритм оценки основывался на системе следующих индикаторов: наличие стратегической деятельности политико-административной элиты по формированию определенного типа территориальной идентичности; разработка и реализация различных направлений политики идентичности; информирование и вовлечение жителей агломерации в актуальную для территории политическую повестку; тождественность образа территории и горожан в представлениях властей и жителей города; наличие не только политических, но и социально-культурных практик, их согласованность и непротиворечивость; уровень удовлетворенности жителей агломерации деятельностью властей различного уровня; степень значимости территориальной

(региональной или локальной) составляющей идентичности среди иных компонентов различных видов идентичности (российская, европейская и др.).

Таблица

**Методика оценки эффективности политики
идентичности в агломерациях**

Индикатор	Шкала оценки	Признаки	Метод оценки
1	2	3	4
Наличие стратегической деятельности политико-административной элиты по формированию определенного типа территориальной идентичности	Сильная, средняя, слабая степень	Наличие релевантных государственных программ и других программных документов; характер сети политических институтов, ответственных за реализацию направлений политики идентичности; наличие образа будущего агломерации, предлагаемого властью	Институциональный анализ; качественный контент-анализ текстов документов; глубинные нестандартизированные интервью с экспертами (представители власти, научного сообщества, НКО, гражданские активисты)
Разработка и реализация различных направлений политики идентичности	Сильная, средняя, слабая степень	Массовые городские мероприятия (памятные, исторические даты); конструирование символического пространства агломерации средствами топонимической политики; брендинг территории	Анализ информации сайтов профильных исполнительных органов государственной власти, программных документов и материалов региональных / местных СМИ
Информирование и вовлечение жителей агломерации в актуальную для территории политическую повестку		Осведомленность населения о направлениях деятельности властей по формированию территориальной идентичности; уровень фактического участия и готовности участвовать в различных практиках по сохранению или трансформации окружающей среды	Анализ данных массового онлайн-опроса жителей агломерации; критический дискурс-анализ публичных выступлений политических лидеров
Тождественность образа территории и горожан в представлениях властей и жителей города	Сильная, средняя, слабая степень	Наличие «мы»-образа горожан и образа конкретной территории у разных групп населения и представителей власти; степень схожести этих образов	

Продолжение таблицы

1	2	3	4
Непротиворечивость политических и социально-культурных практик	Сильная, средняя, слабая степень	Количество и длительность конфликтов между представителями гражданского общества и власти, связанных с различными аспектами территориальной идентичности; наличие механизмов разрешения этих конфликтов	Кейс-стади; глубинные нестандартизированные интервью с экспертами (представители власти, научного сообщества, НКО, гражданские активисты); анализ материалов региональных/местных СМИ
Уровень удовлетворенности жителей агломерации деятельностью властей различного уровня	Сильная, средняя, слабая степень	Политическое доверие разных социальных групп; оценка деятельности региональных политических институтов, районных административных органов и структур муниципально-го уровня жителями территории	Проведение и анализ данных массового онлайн-опроса жителей агломерации; глубинные нестандартизированные интервью с экспертами (представители власти, научного сообщества, НКО, гражданские активисты)
Степень значимости территориального компонента в общей матрице идентичности	Сильная, средняя, слабая степень	Отношение к малой родине; определение себя как жителя конкретной территории, члена территориального сообщества	Проведение и анализ данных массового онлайн-опроса жителей агломерации

Для проверки корректности этого инструментария была проанализирована политика идентичности в 16 российских агломерациях с мегаполисами в качестве основы этих образований. Описанный ниже пример Петербургской агломерации демонстрирует, как сочетание различных эмпирических методов позволяет получать более глубокое понимание вопроса об оценке эффективности территориальной политики идентичности на уровне агломерации.

Первый индикатор оценивается посредством анализа институционального аспекта: наличие релевантных государственных программ и других программных документов (стратегии развития города, агломерации, региона), а также ответственных исполнителей. Кроме формального наличия этих документов, было необходимо учесть мнения экспертов, что было сделано в ходе серии глубинных нестандартизированных интервью. Позиция региональной политической элиты Санкт-Петербурга нашла отражение в государственной программе «Создание условий для обеспечения обще-

ственного согласия в Санкт-Петербурге» и «Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года». Единственным документом, который полностью посвящен развитию Петербургской агломерации, является Концепция совместного градостроительного развития Санкт-Петербурга и территорий Ленинградской области (агломерации) на период до 2030 года и с перспективой до 2050 года. Качественные характеристики деятельности политических институтов в этом направлении оцениваются экспертами неоднозначно: *«Должно быть глобальное видение: какой город мы хотим видеть через 15–20 лет? У нас есть стратегия развития города. Она красивая, там правильные слова звучат, но этот документ мало исполняется... Должна быть единая картинка... Каждое направление формирует определенные сроки, механизм контроля»* (м., региональный активист, лидер градозащитного движения).

На территории Петербургской агломерации реализуется несколько направлений политики идентичности (второй индикатор): массовые городские мероприятия (памятные, исторические даты), конструирование символического пространства агломерации средствами топонимической политики, брендинг территории. Широкий спектр государственных инициатив свидетельствует о заинтересованности власти в реализации мер по формированию территориальной идентичности, но стоит отметить интуитивно-стихийный подход административно-политической элиты к этому вопросу. Для сбора данных по второму индикатору может быть собрана информация с сайтов профильных исполнительных органов государственной власти и региональных СМИ.

Для изучения следующих индикаторов (информирование и вовлечение жителей агломерации в актуальную для территории политическую повестку; тождественность образа территории и горожан в представлениях властей и жителей города) авторы применяли несколько методов: проведение и анализ данных массового онлайн-опроса жителей территории [Калашникова, 2022], а также критический дискурс-анализ публичных выступлений губернаторов. Говоря о тождественности образа территории в представлениях властей и горожан, авторы столкнулись со сложностями в выявлении символических оснований для реконструкции того образа, который предлагается политическими лидерами. Жителям демонстрируют инновационный образ будущего города, который осно-

ывається на західних прикладах («високе якість життя», «комфорт»). Однак єдиною активно використовуваною дискурсивною символічною базою для об'єднання жителів залишається риторика Дня Перемоги та блокадного міста.

Наявність не тільки політичних, але й єдинонаправлених соціально-культурних практик – ще один значимий індикатор. Тут джерелами інформації є матеріали ЗМІ та серії експертних інтерв'ю, застосовується метод кейс-стаді. Для Петербурзької агломерації найбільш значимі приклади з області градоохоронного руху, що підтверджують наявність конфліктів між владою та інститутами громадянського суспільства (наприклад, питання про ліквідацію графіті-портрета Даниїла Хармса, рух за збереження непризнаного пам'ятника архітектури Дому Басевича тощо). Часто створення неформальних інститутів громадянського суспільства та суспільних рухів пов'язано з бажанням суспільства вирішити конкретну міську проблему: *«Громадянське учасництво – одна з можливостей при існуючому застиглому політичному режимі, без кольорових революцій щось змінити. Люди поступово цим займаються: ТСЖ, відновлення деяких елементів архітектури, клуби за інтересами. Це найкраще, що відбувається в нашому місті за останній час»* (м., канд. іст. наук, краєвед). Тригерними питаннями для Петербурзької агломерації стають проблеми збереження архітектурної спадщини міста та пригородів, питання благоустрою територій, рідше екологічна та культурна повестка.

Опитувальні методики застосовуються для оцінки ступеня значимості визначеної складової ідентичності в узагальненій матриці. Згідно з проведеним масовим опитуванням, жителів Петербурга відрізняє високий рівень регіонального патріотизму, але низький рівень оцінки діяльності влади різного рівня [Калашнікова, 2022]. Рівень регіональної ідентичності петербуржців може бути оцінений як достатньо високий, але питання значимості саме політики ідентичності як діяльності політико-адміністративної еліти для її зміцнення, залишається відкритим. Найбільш гостро стоїть питання впровадження системи рівноправного взаємодіяння та відкритого публічного діалогу між рядовими жителями, представниками громадянського суспільства та владою в умовах низького рівня політичного довіри. Цитує одного з експертів дослідження, *«...міська влада*

обязана выстраивать образ будущего Петербурга ...это должно определяться и представлениями самих граждан о будущем города» (м., региональный политик).

Мы считаем, что эффективная политика идентичности в агломерации не может носить односторонний характер. Формирование устойчивых партнерских отношений между представителями городского сообщества и властью становится базовым условием для успешной реализации политики идентичности, в то время как директивные методы формирования территориальной идентичности потеряли актуальность в условиях современной коммуникационной среды.

Заключение

В рамках конструктивистского подхода в центре внимания исследователей остается вопрос об акторах политики идентичности: в фокусе внимания находится политическая элита, отдельные политические институты, гражданское общество, международные организации. Говоря о разнице в изучении территориальных образований, стоит отметить, что сегодня локальная идентичность в большей степени связана с первоначальным пониманием политики идентичности (identity politics) как борьбы за признание, поскольку именно небольшие локальные сообщества способны в течение продолжительного времени аккумулировать ресурсы и агрегировать интересы группы. Инициативы гражданского общества, связанные с территориальной идентичностью, часто возникают на локальном уровне и связаны с защитой территории проживания от каких-либо проектов власти или бизнеса, которые могут деструктивно, по мнению жителей, влиять на окружающую их среду. Концепция гражданского действия NIMBY (not in my back yard) является ярким примером такой борьбы. Региональная идентичность нередко рассматривается как источник возможных противоречий. Эксклюзивный и инклюзивный характер региональной идентичности определяет спектрально противоположные темы дискуссий. Особенно актуальны вопросы сепаратизма и роли этнического компонента идентичности в этих процессах. Остается нерешенным вопрос определения самого термина «регион». В общемировой практике нередко регионами называют крупные территории, в том

числе объединяющие несколько стран. Наиболее верным представляется определение региона как совокупности территорий, которые приобрели политический смысл [Логинов, 2013].

В рамках исследования агломераций изучаются вопросы интеграции и миграционной политики в высокоурбанизированной среде. Значимой проблемой для территориальной идентичности в агломерациях является размывание и уменьшение значимости локальных идентичностей небольших поселений и превалирование идентичности центра агломерации. Фокус только на экономических показателях также препятствует более глубокому исследованию процессов интеграции агломерационных образований, оставляя за скобками вопросы доверия жителей к разным уровням управления территориальным образованием.

S.K. Kalashnikova, M.Y. Pogodina*

**Methodological problems of territorial identity studies:
city, agglomeration, region¹**

Abstract. The article considers the main problems of territorial identity formation. The authors analyze the works of recent years that explore economic and political factors, ethnic and revisionary components of identity formation, the role of identity politics in electoral processes. In the context of territorial development, a separate part of the work is devoted, firstly, to conceptual issues, i.e. the assessment of existing terms denoting various territorial entities (city / region / agglomeration / metropolis). Secondly, the problems of economic and social integration, consolidation of residents, and political trust in the new emerging political and governance structures are highlighted. The corpus of relevant methodologies that are used in this field is identified. One of the most widespread methods of studying identity remains mass surveys of residents, which allow us to determine the spatial boundaries of identity in agglomerations. The case study method is applied in the context of studying the relationship between civil society organizations and identity politics. Regression analysis based on mass survey data is utilized to examine different levels of identity (national, agglomeration, regional, local) and the level of their expression. In addition, examples of studies focused on identifying municipal and inter-municipal territorial

* **Kalashnikova Sofia**, St Petersburg State University (St Petersburg, Russia), e-mail: sofyalashnikova15@gmail.com; **Pogodina Mariia**, St. Petersburg State University; Yandex Crowd (St. Petersburg, Russia), e-mail: mariiapogodina@gmail.com

¹ The research was conducted at St. Petersburg State University with the financial support of the Russian Science Foundation under research project N 23-28-00933 «Identity politics in Russian agglomerations in the context of international experience».

identity are given. The analysis of media texts and social networks is also used to identify various discursive practices used to actualize certain components of identity. Cross-national comparative studies remain one of the significant modern methods of studying the territorial identity of city residents. Researchers analyze the factors of integration of agglomerations' residents, their ideological attitudes, awareness of urban governance and reforms. Some examples of international relations and conflict situations' influence on changes in the national discourse of identity politics are given.

Keywords: identity politics; regional identity; territorial identity; identity research; identity politics in agglomerations.

For citation: Kalashnikova S.K., Pogodina M.Y. Methodological problems of territorial identity studies: city, agglomeration, region. *Political science (RU)*. 2024, N 1, P. 233–258. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.09>

References

- Alam S., Khalid S., Ahmad F., Keezhatta M. S. Mocking and making: subjugation and suppression of marginalized and the politics of identity. *Journal of education culture and society*. 2021, N 12 (1), P. 375–389.
- Anderson A. Book review: identity: the demand for dignity and the politics of resentment, by Francis Fukuyama. New York: Farrar, Straus and Giroux. 2018, 218 pp. *Journal on ethnopoltics and minority issues in Europe*. 2019, Vol. 18, N 1, P. 47–52.
- Assefa A.H., Gedifew B.T. Symbolic values and implications of the Grand Ethiopian Renaissance Dam project in Ethiopian identity politics. *Skhid*. 2021, N 1 (2), P. 5–14.
- Bakhtin M.M. *Favorites. Volume I: The author and the hero in an aesthetic event*. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2017. 544 p. (In Russ.)
- Besley T., Persson T. The rise of identity politics: Policy, political organization, and nationalist dynamics. *Munich Lectures and 2020 ASSA Congress, London, ERC and Swedish Research Council*. 2021, P. 1–63.
- Böschén S., Legris M., Pfersdorf S., Stahl B.C. Identity politics: participatory research and its challenges related to social and epistemic control. *Social epistemology*. 2020, N 34 (4), P. 382–394.
- Calzada I. Metropolitanising small European stateless city-regionalised nations. *Space and polity*. 2018, N 22 (3), P. 342–361.
- Davoudi S. Imaginaries of a 'Europe of the regions'. *Transactions of the Association of European schools of Planning*. 2019, N 3 (2), P. 85–92.
- Fiorina M.P. The majority-minority myth: identity politics, which supposedly boost the Democrats' electoral chances, aren't the sure bet they might appear. Why? Because Americans' identities are steadily blending into each other. *Hoover digest*. 2021, N 2, P. 88–96.
- Fukuyama F. Against identity politics: The new tribalism and the crisis of democracy. *Foreign Aff*. 2018, 90 p.
- Gaman-Golutvina O.V., Nikitin A.I. (eds.) *Contemporary political science*. Moscow: Aspect Press, 2019, 776 p. (In Russ.)

- Gherhes C., Hoole C., Vorley T. The 'imaginary' challenge of remaking subnational governance: regional identity and contested city-region-building in the UK. *Regional studies*. 2023, N 57 (1), P. 153–167.
- Grishin N.V. Political elites and identity politics of urban agglomerations // *Elitology issues*. 2023, N 4 (2), P. 61–74. (In Russ.)
- Grossman G.M., Helpman E. Identity politics and trade policy. *The review of economic studies*. 2021, N 88 (3), P. 1101–1126.
- Hamann U., Türkmen C. Communities of struggle: the making of a protest movement around housing, migration and racism beyond identity politics in Berlin. *Territory, politics, governance*. 2020, N 8 (4), P. 515–531.
- Hansen H.E., Nemeth S.C., Mauslein J.A. Ethnic political exclusion and terrorism: Analyzing the local conditions for violence. *Conflict management and peace science*. 2020, N 37 (3), P. 280–300.
- Hijino K.V.L., Vogt G. Identity politics in Okinawan elections: the emergence of regional populism. *Japan forum. Routledge*. 2021, N 33 (1), P. 50–76.
- Hincks S., Deas I., Haughton G. Real geographies, real economies and soft spatial imaginaries: Creating a 'more than Manchester' region. *International journal of urban and regional research*. 2017, N 41 (4), P. 642–657.
- Hoole C., Hincks S. Performing the city-region: Imagineering, devolution and the search for legitimacy. *Environment and planning a: economy and space*. 2020, N 52 (8), P. 1583–1601.
- Horobets I.V., Martyinov A.Yu., Braychevskaya E.A., Krupenya I.M., Sliusarenko I.Yu. Political culture and identity politics in the Ukrainian society. *Journal of community positive practices*. 2022, N SI, P. 65–81.
- Jones M., Woods M. New localities. *Regional studies*. 2013, N 47 (1), P. 29–42.
- Kabir N.A. Identity politics in India: Gujarat and Delhi riots. *Journal of Muslim minority affairs*. 2020, N 40 (3), P. 395–409.
- Kalashnikova S.K. Effectiveness of regional identity policy in public opinion: the experience of St. Petersburg. *Socio-political studies*. 2022, N 3(16), P. 65–79. (In Russ.)
- Karakas L.D., Mitra D. Electoral competition in the presence of identity politics. *Journal of theoretical politics*. 2021, N 33 (2), P. 169–197.
- Kübler D. Citizenship in the fragmented metropolis: An individual – level analysis from Switzerland. *Journal of URBAN AFFAIRS*. 2016, N 40 (1), P. 63–81.
- Lackowska M., Mikula Ł. How metropolitan can you go? Citizenship in Polish city – regions. *Journal of urban affairs*. 2015, N 44 (5), P. 876–893.
- Lefaan A. Identity Politics and the Future of Democracy in Papua. *J. Legal ethical & Regul. Issues*. 2021, N 24, P. 1.
- Lidström A. Territorial political orientations in Swedish city – regions. *Journal of urban affairs*. 2015, N 40 (1), P. 31–46.
- Lidström A., Schaap L. The citizen in city-regions: Patterns and variations. *Journal of urban affairs*. 2018, N 40 (1), P. 1–12.
- Lilla M. *The once and future liberal: after identity politics*. Oxford: Oxford university press, 2018, 143 p.
- Loginov V.K. Concept "region" and "territory" in the structure of territorial identity. *Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Science*. 2013, N 3, P. 112–120. (In Russ.)

- Makarova G.I. View on regional identity: to the program of sociological research // *Bulletin of KIGI RAS*. 2017, N 1/29, P. 84–94. (In Russ.)
- Martyanov V.S. Conflict of identities in the political project of modernity: multiculturalism or assimilation? In: *Identity as a subject of political analysis. Collection of articles based on the results of the All-Russian scientific-theoretical conference*. Moscow: IMEMO RAN, 2011, P. 36–42. (In Russ.)
- Minenkov G.Ya. Identity politics: a view of modern social theory. *Political Science*. 2005, N 6, P. 21–38. (In Russ.)
- Mitchell J.S. Transnational identity and the Gulf crisis: changing narratives of belonging in Qatar. *International affairs*. 2021, N 97 (4), P. 929–944.
- Montoya M., Lanucara L. The politics of identity and regional integration updating global perspectives. *Journal of nationalism, memory & language politics*. 2021, N 15 (2), P. 230–256.
- Nazukina M.V. Naming as a tool for constructing territorial identity (on the example of choosing a name for the new terminal of the Perm airport. *Bulletin of the Perm Federal Research Center*. 2018, N 4, P. 54–61. (In Russ.)
- Popova O.V. On the unresolved problems of the theory of state identity politics in Russian political science. *Political Science*. 2020, N 4, P. 86–113. (In Russ.)
- Purdeková A., Mwambari D. Post-genocide identity politics and colonial durabilities in Rwanda. *Critical African studies*. 2022, N 14 (1), P. 19–37.
- Schlegel S. Identity Politics as pretext and prediction: vote-buying and group boundaries in Ukraine. *Demokratizatsiya: the journal of post-soviet democratization*. 2021, N 29 (2), P. 113–133.
- Scholvin S. Book review: metropolitan governance in Latin America. *Urban studies*. 2022, N 59 (13), P. 2829–2831.
- Strebel M.A. Who supports metropolitan integration? Citizens' perceptions of city-regional governance in Western Europe. *West European politics*. 2022, N 45 (5), P. 1081–1106.
- Turovsky R.F. Settlement as a subject of local politics: Theoretical foundations of research. *Political Science*. 2019, N 2, P. 13–30. (In Russ.)
- Vaara E., Tienari J., Koveshnikov A. From cultural differences to identity politics: A critical discursive approach to national identity in multinational corporations. *Journal of management studies*. 2021, N 58 (8), P. 2052–2081.
- Vallbé, J.-J., Magre J., Tomàs M. Being metropolitan: The effects of individual and contextual factors on shaping metropolitan identity. *Journal of urban affairs*. 2015, N 40 (1), P. 13–30.
- Wajner D.F., Roniger L. Transnational identity politics in the Americas: Reshaping “Nuestramérica” as Chavismo’s regional legitimation strategy. *Latin American research review*. 2019, N 54 (2), P. 458–475.
- Walter-Rogg M. What about metropolitan citizenship? Attitudinal attachment of residents to their city-region. *Journal of urban affairs*. 2018, N 40 (1), P. 130–148.
- Wong M.Y.H., Kwong Y., Chan E.K.F. Political consumerism in Hong Kong: China’s economic intervention, identity politics, or political participation? *China Perspectives*. 2021, N 3, P. 61–71.

Yaya Sawitri M., Nyoman Wiratmaja I. On the brink of post-democracy: Indonesia's identity politics in the post-truth era. *Politička misao: časopis za politologiju*. 2021, N 58 (2), P. 141–159.

Литература на русском языке

- Бахтин М.М. Избранное / сост. Н.К. Бонеецкая. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – Том I: Автор и герой в эстетическом событии. – 544 с.
- Гришин Н.В. Политические элиты и политика идентичности городских агломераций // Вопросы элитологии. – 2023. – № 4 (2). – С. 61–74.
- Калашиникова С.К. Эффективность региональной политики идентичности в общественном мнении: опыт г. Санкт-Петербурга // Социально-политические исследования. – 2022. – № 3 (16). – С. 65–79.
- Логинов В.К. Концепт «регион» и «территория» в структуре территориальной идентичности // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2013. – № 3. – С. 112–120.
- Макарова Г.И. Взгляд на региональную идентичность: к программе социологического исследования // Вестник КИГИ РАН. – 2017. – № 1/29. – С. 84–94.
- Мартыанов В.С. Конфликт идентичностей в политическом проекте модерна: мультикультурализм или ассимиляция? // Идентичность как предмет политического анализа: сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – С. 36–42.
- Миненков Г.Я. Политика идентичности: взгляд современной социальной теории // Политическая наука. – 2005. – № 6. – С. 21–38.
- Назукина М.В. Наименование как инструмент конструирования территориальной идентичности (на примере выбора названия для нового терминала пермского аэропорта) // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. – 2018. – № 4. – С. 54–61.
- Попова О.В. О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 86–113.
- Современная политическая наука. Методология / Т.А. Алексеева [и др.]; под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.И. Никитина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2019. – 776 с.
- Туровский Р.Ф. Поселение как субъект локальной политики: Теоретические основы исследований // Политическая наука. – 2019. – № 2. – С. 13–30.